

УДК 291.13:327(970)

О. В. Добродум¹

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В НАЧАЛЕ XXI В. (НА ПРИМЕРЕ США)

Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов взаимодействия религиозного и политического сегментов социальной жизни, особенностей и характерных черт религиозной политики в начале XXI века. Также приведены некоторые примеры политической корректности на американском материале.

Ключевые слова: религиозная политика, США, политкорректность, глобализация демократия, конфессиональный фактор, свобода совести, фундаментализм, гражданская религия.

На протяжении человеческой истории происходило взаимодействие политического и религиозного компонентов социальной жизни, рассматриваемое как союз Алтаря и Трона, Царства Бога и Кесаря, Града Божьего и Града Земного, мира горнего и мира дольного, сакрального и профанного, небесного и земного, сверхъестественного и естественного, божественного и мирского, духовной и светской культур, клириков и мирян и т.п. [1]

Взаимосвязь политики и религии в некоторой степени можно проиллюстрировать воззрениями историка культуры Дж. Вико: «...все нации произошли от какой-нибудь религии», поэта Ш.Пегги: «Все начинается с мистики, а заканчивается политикой», представлением советского политического деятеля А.В.Луначарского о «политическом жале» религии и высказыванием «отца индийской нации» М.Ганди: «Не думаю, что религия не имеет отношения к политике. Политика, отделенная от религии, подобна труп, который только и можно похоронить». Всемирно известный историк А.Тойнби полагал, что, когда тускнеет государственная жизнь, эпицентр определяющих событий переносится в религиозно-церковную плоскость. Политико-религиозную ангажированность исторического процесса отмечал и современный католический богослов Г. Кюнг, утверждая, что мира во всем мире не будет, пока не будет мира между религиями.

¹ © Ольга Викторовна Добродум, канд. полит. наук, доцент философского факультета одесского национального университета имени И.И.Мечникова, ул. Довженко 9а, 609а, Одесса, 65058, Украина, E-mail: dobrodum_olga@rambler.ru.

Симбиоз политики и религии (в форме теократии: цезарепапизма или папоцезаризма) представлял неотъемлемой частью исторического процесса. Этот симбиоз являлся предметом рефлексий многих историков, теологов, политических и религиозных деятелей на протяжении столетий [2]. Так, средневековый теолог Ф. Аквинский утверждал, что солдат, ведущий войну за правое дело, все равно что святой, а современный кубинский лидер Ф. Кастро подчеркивал, что революционеров и христианских святых сближают их глубокая вера в правоту дела, способность к самопожертвованию. Российский религиовед И. Я. Кантеров обращал внимание на такие полярные вещи в политико-религиозном взаимодействии, как союз клерикализма и милитаризма, альянс Библии и винтовки [5].

Как религия в начале XXI в. могли восприниматься и глобализация, и демократия, и права человека, и светскость, и модернизация, и даже трагедия 11 сентября 2001 г. В мировой политике начала XXI в., когда стала очевидной тенденция пересмотра некоторых систем мироустройства (вестфальской, ялтинской и т.п.), конфессиональный фактор приобрел важное значение. Во внешнеполитических отношениях религиозные вопросы зачастую играли существенную роль: так, США применяли экономические санкции к странам, в которых нарушаются религиозные свободы, а официальные лица России обвиняли Саудовскую Аравию и другие исламские государства в экспорте ваххабизма.

Подобные коллизии иллюстрировали преждевременность ожиданий отмирания религии в неолиберальном обществе. Исторический тезаурус включал понятия политической теологии и теологии политики, политического протестантизма, представления о преображении Америки, «вавилонизации» мира, деятельности новых религиозных движений в угоду американским политическим интересам и т.д.

После распада социалистической системы религию стало принято считать, в духе С. Хантингтона, основной закваской глобальных конфликтов. Как отмечал российский исследователь истории религии А. С. Агаджанян, на протяжении многих веков, вплоть до эпохи Просвещения, именно религии принадлежала сама идея «глобального», которая в наше время проявилась в виде формирования религиозного глобал-маркета, детерриториализации религии поверх традиционных конфессиональных, политических, культурных, национальных, этнических и цивилизационных границ (например, протестантские евангелические церкви, пятидесятничество, движение «New Age», бахаизм). Ученый отмечал и наличие такого исторического феномена, как «религиозный антиглобализм», который встраивался в глобальные рамки в качестве «контрфорса» [6]. Политические отношения исследуемого

II. ПРОБЛЕМЫ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ...

периода были обусловлены и конфессиональным фактором; недостаточное внимание к его роли в жизни Ирака, Афганистана было, очевидно, свойственно Вашингтону.

Религиозность первого десятилетия XXI в. характеризовалась как внецерковная и мультиконфессиональная, профетическая и харизматическая, неоспиритуалистическая и неогностическая, трансцендентальная и неинституциональная, приватная и синкретичная, смещавшаяся в сторону глобального Юга. Эти черты были заметны и в интенсивно религиозных США, считавшихся единственной западной страной, чудом избежавшей секуляризации. П. Бергер и другие теоретики религиозной истории, писавшие о «возвращении религии», «возрождении религии» (религиозном ревайвализме и ревитализации), имели в виду, прежде всего, возрождение фундаменталистских религий [7].

Американские религиоведы Дж. Миклтуэйт и А. Вулдридж отмечали, что значимость религиозности как фактора политической жизни за последние 40-50 лет значительно выросла, и дело не только в распространении радикальных версий ислама – имелась в виду рожденная в США массовая «позитивная» религиозность. В США церкви становились спутниками модернизации, и именно свобода конкуренции на «рынке веры» привела к появлению американских мегацерквей [8].

Религиозная риторика была свойственна многим лидерам мира: так, американский неоконсерватизм устами президента Дж. Буша-мл. обосновывал свои глобальные претензии религиозными ценностями, демонстрируя, что под его формальной светскостью лежат апокалиптические теории протестантского фундаментализма и гражданской религиозности. США являются истинными потомками своих предков – пуритан, прибывших на территорию Америки на корабле «Mayflower» в поисках религиозной свободы: президенты США доньше клянутся на Библии, на американских деньгах имеется надпись «Мы верим в Бога», а в Декларации независимости США упомянуто Божественное Провидение и Перст Божий.

Среди элементов гражданской религии в США: молитвы во время президентских инаугураций, молитва перед началом заседаний Верховного суда «Храни, Господь, этот досточтимый суд», обращения в День благодарения и Национальный день молитвы, слова «под Богом» в клятве верности, цитаты из Священного Писания, закрепленные на стенах правительственных зданий, президентское благословение «Боже, благослови Америку» и т.п. [9] Для политической культуры США характерна сакрализация политических символов: в ней можно найти фигуры «национальных святых»: отцов-основателей и президентов (Дж. Вашингтона, А. Линкольна, Ф. Рузвельта и др.) и культ священных объектов, например, Конституции США.

В основе американской гражданской религии лежит вера в особого Бога – покровителя Америки, защитника американских стандартов свободы и права, в свое время способствовавшего созданию Декларации независимости и Конституции США, поддерживавшего «жрецов», «пророков» гражданской религии – Дж. Вашингтона, А. Линкольна и других президентов. Гражданская религия позволила каждому президенту смотреть на себя как на Богом избранного лидера страны. В начале XXI в. данную веру в Америку обосновали теоконсерваторы, концептуализировавшие «священное измерение» всех войн, ведшихся США.

Одна из легенд о богоизбранной нации утверждала, что Провидение предопределило Америке быть «нацией с церковью в душе», исконно религиозной страной, созданной по Божьему повелению. Идея предназначенности США хранить устои христианской цивилизации во всем мире сочеталась именно с реакционной политикой: обязательствами перед Богом оправдывалась даже гонка вооружений [10].

Процесс секуляризации американского протестантизма и его превращения в гражданскую религию прослеживал американский политолог Дж. Курт, показывая, как постепенно из лексикона американских деятелей исчезали упоминания христианских терминов (Иисус, Троица), сменяясь абстрактной апелляцией к Богу [11]. Уже отцы-основатели редко упоминали Святого Духа или Господа, предпочитая говорить о Высшем Существо или Божественном Провидении. Затем появился американский «символ веры», всякое упоминание о Боге исчезло, остались только либерализм, ценности свободного рынка, представительной демократии и прав человека [12].

Верховный суд США стал применять концепцию о «церемониальном деизме», призванную узаконить проявления гражданской религии. При этом консерваторы ставят во главу угла идею Божьего благословения Америки и ее миссии во всем мире, в то время как либеральное крыло большее внимание уделяет реализации прав и свобод человека [13].

Американской нации было свойственно убеждение в том, что ей суждено сыграть провиденциальную роль в прогрессе всего человечества – эта роль понималась как расовое, религиозное и социальное превосходство. Идеолог американского империализма Дж. Стронг заявил, что Бог готовит англосаксонскую расу к великому моменту «решающего столкновения рас», затем эта раса, олицетворяющая «самую полную свободу, самое чистое христианство, самую великую цивилизацию», исполнит предназначенную ей Богом судьбу, т.е. «англосаксонизирует» человечество [14]. Таких же взглядов придерживались и лидеры либерального крыла, считавшие, что предоставление свободы выбора – величайший вклад северных народов в борьбе против тирании и католичества народов Южной Европы и что северные народы несут ответственность за цивилизацию «отсталых» рас.

II. ПРОБЛЕМЫ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ...

С исторической точки зрения, на сегодняшний день глобализацию можно считать в чем-то завершенной: наступила как бы смерть внешней политики: внешняя и внутренняя политики стали малоразличимы, и если XX в. коммунистическая пропаганда называла веком торжества идей коммунизма, то наступивший XXI в. начался с торжества идей глобализма. Тем не менее, глобализация амбивалентно влияла на рост религиозности: американское влияние на Европу способствовало распространению протестантского фундаментализма, движению против аборт, пропаганде семейных ценностей. Глобальная религиозность – американская по происхождению и, в значительной степени, протестантская по содержанию – одна из причин того, что сопротивление глобализации принимало форму антипротестантизма. Формой религиозной глобализации являлась «обратная глобализация» или «истернизация»: наиболее существенное воздействие на Запад и США Азия оказывала не через организованные религиозные движения, а в форме культуры «New Age» [15].

Американизация религии сводилась к тому, что групповые религии индивидуализировались (католики), а протестанты-индивидуалисты сгруппировывались, объединяясь в агентства, аналогичные Национальному совету церкви Христа, сообразуясь с условиями жизни США и доминирующими секулярными ценностями. Ведущей была тенденция «протестантизации» любых религий, их социальная ориентированность и политическая ангажированность; это коснулось не только католиков, но и приверженцев восточных религий. Российский религиовед Б. Фаликов утверждал, что духовной основой идеологии глобализма помимо секуляризма являлся оккультизм: именно он и мог быть религией того строя, который глобалисты называли «транснациональным гражданским обществом» [16].

История западной цивилизации будто была историей ее поступательного движения от христианства к оккультизму через гуманизм, деизм, скептицизм и атеизм, XX в. для западной цивилизации стал не столько христианским, сколько атеистическим и оккультным. Процесс слияния глобализма с оккультизмом, по мнению Б. Фаликова, был естествен и неизбежен: вместо многообразия религий намеренно вводилось оккультное единообразие под эгидой единой мировой религии – и этой религией должна была стать «New Age» [16].

Достаточно часто тематика политкорректности как одна из составляющих идеологической глобализации давала о себе знать в американской и российской религиозной жизни, причем одной из тем подобного рода конфликтов являлись праздники. Так, Рождество в США стало обозначаться как «Зимний праздник», Пасха как «Весенний праздник», а начиная с 2000 г. почетные граждане США стали получать из

Белого Дома поздравления с «Сезоном праздников» в связи с объединением Рождества, иудейской Хануки и афроамериканского праздника Кванзаа, а также введением нового государственного праздника «Крисмука» как конвергенции Рождества (Christmas) и Хануки.

Причиной конфликтогенности являлась «стена разделения» между политикой и религией на основании первой поправки к Конституции США. Так, в США неоднократно оспаривалась в судах клятва верности американскому флагу из-за слов «единая нация под Богом», в 2000 г. Верховный суд США постановил запретить молитвы перед школьными футбольными матчами. Артикулировались призывы убрать религиозную символику с национальных валют: в США – с долларовых купюр, на которых есть надпись «In God we trust».

Историк Д. Грин в книге «Все мы – жертвы» [17] утверждал, что до 73% населения могут быть причислены к меньшинствам того или иного рода, обеспечивая этим миноритизацию политики и религии и способствуя возникновению светской религии политкорректности. Широко употребительными становились выражения «языковая политика», «языковое манипулирование» (например, бомбардировка могла представлять как «мирная акция», «возвращение мира и стабильности», «защитная сила»). Как отмечал американский лингвист Д. Болинджер, «Америка – первое общество, в котором фактически было достигнуто табу на все неприятное» [18], а американский сенатор Р. Драйнан подчеркивал: «Язык является не просто средством, пользуясь которым, мы говорим о внешней политике – он и есть наша внешняя политика» [18].

Таким образом, при исследовании истории США можно отметить значимую роль политики в религиозной жизни данной страны, где религиозная политика наиболее выразительно и знаково осуществляется в сфере протестантизма и католицизма, данные конфессии являются наиболее влиятельными и с точки зрения политики. Указанный исторический период характеризуется усилением влияния политики на религию в Соединенных Штатах, несмотря на то, что в данной стране это влияние никогда не было слабым.

1. Hanson E.O. Religion and Politics in the International System Today. – Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, Sao Paulo: Cambridge University Press, 2006. – 345 p.

2. Norris P. and Inglehart R. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

3. Jelen T.G. and Wilcox C., eds., *Religions and Politics in Comparative Perspective: The One, the Few, and the Many*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
4. Филипович Л. *Етнологія релігії: теоретичні проблеми, вітчизняна традиція осмислення*. – Київ: Світ знань, 2000. – 333 с.
4. Шуба О.В. *Релігія в етнонаціональному розвитку України (політологічний аналіз)*. – Київ: Криниця, 1999. – 324 с.
5. Кантеров И.Я. *Клерикализм – идеология духовного насилия*. – М.: Педагогика, 1986. – 192 с.
6. Агаджанян А.С. *Эпоха портативной веры. Религии отрываются от исторических корней и вступают в свободную конкуренцию // НГ-Религии*. – 2006. – 5 апреля.
7. Berger P.L. *The Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. – Washington, D.C.: Ethics and Public Policy Center, 1999.
8. Micklethwait J. and Wooldridge A. *God Is Back. How the Global Revival of Faith Is Changing the World*. – London: Penguin, 2009.
9. Casanova J. *Public Religion in the Modern World*. – Chicago: Chicago University Press, 1994.
10. Задорожнюк И.Е. *Гражданская религия в Америке: настоятельность новых интерпретаций // Вопросы философии*. – 2008. – №3. – С.62-73.
11. Kurth J. *the Protestant Deformation and American Foreign Policy // Orbis*. – 1998. – Vol.42, №2. – P.228-229.
12. Митрофанова А.В. *Политизация «православного мира»*. – М.: Наука, 2004. – 293 с.
13. Мирошникова Е. *Гражданская религия. Возможна ли она в России? // Религия и право*. – 2004. – №1.
14. Quoted in: Alhstrom S.E. *A Religious History of the American People*. – Vol.2. – New York: Doubleday, 1975. – P.327.
15. Мещеряков Д.А. *Глобализация в религиозной сфере общественного бытия: автореф. дисс. ... канд. философ. наук*. – Омск, 2007.
16. Фаликов Б. *Антиглобальная деревня*. URL: http://www.sfi.ru/rubrs.asp?rubr_id=186&art_id=9766&page=2
17. Green D.G. *We're (Nearly) All Victims Now: How Political Correctness Is Undermining Our Liberal Culture*. – London: Civitas, 2006. – 96 p.
18. Болинджер Д. *Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия*. – Благовещенск, 1998. – С.40.